

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ГЕНУЭЗЦЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В XIV в.

В X и в начале XI в., после трехсотлетней борьбы с арабами, Византия вступила в пору высших исторических успехов. Руководимая блестящими императорами-полководцами, она наносила врагам внушительные военные удары и была, казалось, несокрушимо крепка. Но уже XI в. стал для империи веком непоправимых трещин, за которыми наметилось сокращение мирового масштаба великого государства. Напор шел как бы концентрически, направляясь к средоточию социально-экономической, государственной и культурной жизни сложного византийского организма, к Константинополю — „главе всех городов, центру четырех частей мира“ (πόλεων πασῶν κεφαλή, ... κέντρον τῶν τεσσάρων τοῦ κόσμου μερῶν)¹ „очагу целой вселенной и общему пританею“ (κοινὴ τῆς ὅλης ... οἰκουμένης... ἐστὶα καὶ κοινὸν πρυτανεῖον).²

В течение последующих четырех с половиной веков Византия получала удары со всех сторон, и, быть может, ее история этих столетий являет собой один из самых поразительных примеров колоссальной жизнеспособности. Редко бывало, чтобы культура и ее фокус, каким была византийская столица, так продолжительно и ярко сияли, так прочно воспринимались и зарождали новые пышные расцветы в других странах, когда государство шаталось, народ бедствовал и волновался, враги наседали, а территория того, что продолжало носить гордое имя империи ромеев, бесконечно сжималась, стянувшись почти до пределов одного города, сохранившего биение сердца до последней минуты. Собравшись в комок в своем великом центре, Византия долго жила и на ничтожном клочке земли.

¹ Ducas, с. 41, ed. Bonn, p. 306.

² Nic. Greg. I. XIII c 11, ed. Bonn, p. 678.

Грозным предзнаменованием тягостных событий в далеком и неясном будущем явился роковой для Византии день 19 августа 1071 г. После поражения огромной сборной византийской армии под Манцикертом и позорного плена императора, подобно рабу, с кольцами в ушах, брошенного в пыль перед турецким победителем, который толкнул его ногой и хлестнул кнутом, затем — после утверждения врага в Никее и в Смирне (1080 г.), на берегах Мраморного и Эгейского морей, приблизился долгий и мучительный канун 1453 г. Опаснейшие удары с Востока не прекратились; через сто с небольшим лет после катастрофы 1071 г. — 17 сентября 1176 г. на голову Византии обрушился как бы новый Манцикерт, на этот раз не на далекой восточной окраине, а уже во Фригии, где турки Изз-эд-дина Кылыч-Арслана II разгромили армию Мануила Комнина под крепостью Мириокефалон. Император был настолько удручен непоправимым бедствием, что в течение последних четырех лет, завершивших его длительное и пагубное для государства правление, не мог оправиться от горя. Упадок, надвигавшийся на внешне еще блестящую империю, стал очевидным; Евстафий Солунский считает смерть Мануила I последним рубежом благоденствия своего отечества, после чего „земли исполнились мрака, как при затмении“.¹

Хотя обеспеченное победой 1176 г. господство сельджукидов в Малой Азии и было сломлено уже к середине XIII в. монголами, тем не менее победа последних у Кесе-Дага в 1243 г., когда предводитель монгольского войска и ханский наместник Байджу разбил турок султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II, не спасло Византию от турецкого нажима: монгольское нашествие, ослабив сельджукидов, способствовало быстрому возвышению феодального рода Османа, а следовательно и образованию того государства, которое покорило Византию.²

Кроме непрерывного наступления турок, не спускавших занесенного над Византией меча ряд веков, Византия терпела урон и с севера, от освободившихся из-под ее владычества славян — то болгар, то сербов. Не менее серьезно тревожили ее и удары с запада.

Те, кого византийские хроники обычно называют общим именем Латинян, οἱ Λατῖνοι, нападая на империю ромеев, целились в конечном счете на ее центр — Константинополь. Тяжелы были раны, нанесенные первыми врагами с запада — южно-итальянскими норманнами, двинувшимися на Балканский полуостров уже с первым своим вождем и организатором, Робертом Гвискардом. Вслед за сицилий-

¹ Eustathii. De Thessalénica a Latinis capta, ed. Bonn, p. 380.

² Ср. Вл. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 41.

скими королями с их прекрасными флотами, особенно могущественными рядом с деградирующими морскими силами византийцев, мыслью продвинуть свои владения до Константинополя был охвачен и (хотя и не непосредственный) преемник норманнов в Неаполитанском королевстве, Карл Анжуйский. В припадке озлобленного нетерпения он впивался зубами в свой жезл, неистовствуя перед папой, не дававшим окончательной санкции на его византийский поход.

Одним словом, осады Диррахия, опустошение иллирийских берегов, разорение Эпира, Македонии, Фессалии, средней Греции и Пелопоннеса, временный захват Солуни и неоднократная угроза движения латинских полчищ по прямой линии римской Игнатиевой дороги на Константинополь, держали византийских императоров и всю страну в непрерывном и основательном беспокойстве и даже страхе перед Западом.

Не оказались безразличными для Восточной империи и первые три крестовых похода, катившиеся по далеко не вполне защищенной территории Византии: вторгались то едва управляемые толпы западноевропейского люда, то войска, готовые занять враждебные позиции. Недаром византийцы сравнивали первый крестовый поход с движением на их родину как бы железной стены: φοβερὸν μὲν... θέαμα, καὶ ἄλπερ τι σιδερόν τεταγὸς κινούμενον.¹

Все эти события цеплялись друг за друга, сочетались и переплетались между собою; по остроумному выражению французского историка Латинского Востока, Ренэ Груссе, „1071 год звал за собой год 1095“, а „1082 год казался 1204-м“.²

Тем не менее этим не исчерпывалась вся мера опасности, нависшей над Византией. Ей наносился еще один, особый и в начальном проявлении будто бы и не страшный удар, также с запада.

Развитие исторической судьбы Византии одним коварным ходом заставило ее самоё создать себе серьезнейшую по своим последствиям угрозу, какой явилось вынужденное и неосторожное соглашение Алексея Комнина с Венецией в 1082 г. Известный

¹ Nic. Greg. I. IV c. 7, ed. Bonn I, p. 103.

² R. Grousset. *Histoire des croisades et du royaume Franc de Jérusalem*, (t. I, Introduction, pp. XXXIII, XLV). Этими сопоставлениями дат автор намекает на драматическую связь событий: когда Византия вышла из борьбы с восточным врагом после поражения при Манцикерте в 1071 г., то выступили в 1095 г. западные силы первого крестового похода. В 1082 г. Роберт Гвискард, казалось, дойдет до Константинополя и захватит его, как это случилось в 1204 г. С другой стороны, эти даты могут быть связаны между собой следующим образом: в 1071 г. Роберт Гвискард занял Бари и отсюда наметил свое движение на Византию. В 1095 г. его сын Боэмунд вместе с первым крестовым походом пошел в Константинополь. В 1082 г. венецианцы протянули руку к Константинополю, в 1204 г. они стали там хозяевами. — Е. С.

знаменитый хрисовул императора можно считать своего рода смертным приговором; он не казался таковым лишь потому, что полное приведение его в исполнение относилось к далекому будущему. Во всяком случае, от договора 1082 г. протягивается та непрерывная нить явлений, которая отчетливо извивается в сложном и запутанном клубке событий, приведших Византию к концу.

Этот замечательный документ венециано-византийской дипломатии не обнаружен в подлиннике таким, каким он вышел из императорской канцелярии; не дошел он и в переводе, таким, каким он был оглашен в аристократических коллегиях венецианского правительства, то есть мы не имеем его ни в греческом автографе, ни в латинском апографе. Возможно, что в том или ином виде он до сих пор скрывается в залежах архивов республики св. Марка или в библиотеке какого-либо греческого монастыря. Пока можно воссоздавать его содержание лишь косвенными путями. Хрисовул, за который венецианские купцы держались, как за основу своего могущества на Леванте, по их настоянию и вследствие неблагоприятно складывавшихся условий внешней политики Византии (разорительные походы норманнов), вынуждавших ее к уступкам, был повторен в хрисовулах 1126 г. сыном Алексея, Иоанном, и в 1148 г. внуком его, Мануилом. Только по последнему акту, да и то в его латинской версии, приходится судить о том, что получила Венеция, и о том, что потеряла Византия. В общей форме, но точно отразила сущность договора в своей истории Анна Комнина. Проницательный наблюдатель и художник слова, она отметила безвыходность положения отца перед опасностью норманнского вторжения в пределы империи; император взывал к венецианцам о помощи флотом, воздействуя на них „и посулами ($\delta\iota\alpha\ \upsilon\pi\omicron\sigma\chi\epsilon\sigma\epsilon\omega\nu$) и дарами, ($\kappa\alpha\iota\ \delta\acute{\omega}\rho\omega\nu$), одно обещая ($\tau\acute{\alpha}\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \epsilon\pi\alpha\gamma\gamma\epsilon\iota\lambda\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$), другое уже предлагая ($\tau\acute{\alpha}\ \delta\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \pi\rho\omicron\tau\epsilon\iota\nu\omega\nu\ \eta\delta\eta$), только бы захотели они ($\epsilon\iota\ \mu\acute{\omicron}\nu\omicron\nu\ \theta\epsilon\lambda\acute{\eta}\sigma\alpha\iota\epsilon\nu$), вооружить флот всей своей земли ($\tau\omicron\ \nu\alpha\upsilon\tau\iota\kappa\acute{\omicron}\nu\ \acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\sigma\eta\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \chi\omega\rho\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omega\acute{\nu}\ \epsilon\zeta\omicron\pi\lambda\iota\sigma\alpha\iota\ldots$).¹

За помощь, оказавшуюся победоносной, венецианцы были вознаграждены привилегиями неисчислимого значения; в самом Константинополе они получили независимую от окружающего города станцию, где имели конторы с жильем для купцов ($\epsilon\rho\gamma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\alpha$) и пристани со складами и площадками для товаров ($\sigma\kappa\acute{\alpha}\lambda\alpha\iota$).² Чрезвычайно важно было то, что политически независимая от Византии республика, все силы которой были направлены исключительно на укреп-

¹ Anп. Сопп. I. IV с. 2, ed. Bonn I р. 191—192 г.

² В русском переводе С.-Петербургской Духовной Академии (стр. 274) эти термины переданы неверно, так как взято их буквальное, к данному случаю не подходящее значение: „мастерская“ и „лестница“.

пление торговли и главного ее условия — мощного военного и торгового флота, внедрилась в экономический центр Византии на основе некоторого государства в государстве.¹

Наиболее просвещенные и дальновидные из византийцев — к ним принадлежала и дочь Алексея Комнина — учитывали рискованность этой уступки купцам из города на Адриатической лагуне. «Τὸ δὲ δὴ μείζον» — „самое же большое“ из того, что им предоставлялось, — писала Анна, уже этими словами выделяя исключительное значение дарованного, — составляло „торговлю без взысканий“ (τὴν ἐμπορίαν αὐτῶν ἀζήμιον) по всем областям, подвластным ромеям (ἐν πάσαις ταῖς ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν Ῥωμαίων χώραις) без взимания таможенной пошлины — коммеркия — и сборов в пользу государственной казны (τῷ δημοσίῳ). Венецианские купцы пользовались правом не платить ровно ничего, ни единого обола (ἄχρι καὶ ὀβολοῦ ἐνός) и пребывали вне компетенции всякой ромейской власти — ἀλλ' ἐξω πάσης εἶναι Ῥωμαϊκῆς ἐξουσίας.² Вот это состояние вне (ἐξω) поля действия государственной власти, это инородное тело в сердце византийского государства и было ядром зла для Византии и источником усиления итальянцев.

Переводный латинский текст хрисовула Мануила Комнина от 1148 г., как текст документа, полнее текста хроники. В нем, между прочими существенными подробностями, перечислены: 1) пункты, где могла осуществляться беспошлинная торговля венецианских купцов (примечательно, что в списке названий нет ни одного, относящегося к Черному морю: пути в Сирии и в Малой Азии были еще свободны); 2) сборы в пользу димосия, от которых освобождались венецианцы, *dilectissimi duli* (= δοῦλοι, отражение в латинской версии греческого оригинала) *et amici imperii mei*, как величает византийский император злейших врагов своего государства, вынужденный ждать помощи кораблями от этих „работников моря“, а *thalat-tosoris* (= θαλαττοκόπος).³

Хотя Комниновский хрисовул в пользу венецианцев и широко известен, однако обычно трактовка этого документа сводится к перечислению всех его статей подряд, даже тех, которые не имели прямой связи с основной экономической целью договора (вроде статьи о титуле протосебаста, жалуемом дожу, или ипертима — патриарху). Издатели хрисовула, Тафель и Томас, справедливо предположили ему краткую оценку: *hoc ipsum chrysobullum... gravis-simum; et quae posthac a graecorum imperatoribus concessa sunt*

¹ В этом отношении предшественниками венецианцев не приходится считать амальфитанцев, имевших в XI в. торговую станцию в Константинополе.

² *Ann. Comn.* I. VI c. 5, ed. Bonn I, p. 287.

³ Tafel und Thomas. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig.* Bd. I, 113, № 51.

Venetis privilegia s. chrysobulla, ea omnia in hoc ut in fundamento posita et stabilita sunt.¹

Необходимо выделить именно то, что составляет это основание, этот фундамент, от которого отправляется дальнейшая история проникновения итальянцев в Константинополь и их вмешательство в судьбы Византии. По стопам венецианцев и в яростном соревновании с ними пошли генуэзцы, осуществляя свою борьбу с венецианцами с намерением отобрать у них Константинополь и добиваясь победы по крайней мере в течение целого столетия. Следовательно, все прочие условия бледнеют перед тем, что венецианцы, торгуя повсюду в Романии и прочно сидя в Константинополе, не платили „ни единого обола“ и признавались вне того, что охватывалось ромейской властью.

Таким образом, развернулся не кровопролитный, но неодолимый поход итальянских купцов на Константинополь.

В течение 179 лет (1082—1261) торговля в Византии пульсировала в руках венецианцев. Они „одни из всех (μόνοι τε τῶν πάντων)“² пользовались львиной долей всевозможных льгот на основе императорских санкций; число остальных итальянских и других западноевропейских купцов из Пизы, Флоренции, Анконы, Амальфи, Марселя, Барселоны и даже Генуи было, сравнительно с венецианцами, не так уж значительно.

Внутри названного периода выделяются две даты, 1171 и 1182 гг., знаменательные резким протестом сначала византийского правительства, затем — всего населения столицы против излишних вольностей привилегированных купцов, которые „несоразмерно — ἀσυνμέτρως“ богатели и в спеси своей настолько „распоясались — ἐς ἀλαζονείαν ἦεν“,³ что стали относиться к константинопольцам, как к рабам. Они распоряжались в Византии, как у себя дома — imperii loca propria habitacula reputantes.⁴ Пережив массовые аресты и конфискацию имущества по приказу Мануила Комнина, итальянские купцы, пользуясь удрученным состоянием императора после катастрофы у Мириокефалона, вновь наводнили Константинополь. „Народные страсти возбуждены были систематическим пренебрежением правительства к интересам населения и, частью, основательным опасением, что ромеям неминуемо угрожает порабощение со стороны латинян, если не будет дано решительного отпора“ — так

¹ Tafel und Thomas. Urkunden... Bd. I, 43 № 23.

² Ioh. Cinn. l. VI c. 10, ed. Bonn, p. 281.

³ Ibid.

⁴ Замечательно, что подобное суждение приводится в хронике венецианского (позднейшего, ум. в 1354 г.) историка Андрея Дандоло (Chron., Muratori RIS XII, p. 291).

охарактеризовал настроение греческого населения в Константинополе академик Ф. И. Успенский в одной из своих последних статей.¹ К этому времени (к началу восьмидесятых годов XII в.) итальянцев, преимущественно венецианцев, современники насчитывали в столице до 60 тысяч; если они преувеличивали цифру даже вдвое, то и тогда она остается не малой. Гроза разразилась в начале 1182 г., причем раньше вхождения Андроника Комнина в Константинополь, т. е. без его прямого участия. Этот год, который мог быть для венецианцев „юбилейным“, так как исполнилось ровно сто лет (1082—1182) их торговых успехов в Византии, принес с собой кровавое избиение латинян. Казалось, что жители Константинополя почуяли опасность близкого захвата своего города и встали на борьбу с поразившей его язвой чужеземного экономического ига.²

Однако упорное внедрение венецианцев на берега Босфора не было приостановлено. Через двадцать лет они укрепились здесь полновластно, изгнав византийцев из города, бывшего их столицей почти целое тысячелетие. От Константинополя, с его призрачными латинскими императорами, потянулась по Средиземному морю линия „венецианских“ морских путей, обеспеченных бесчисленными точками удобных стоянок и на побережьях и на островах, — только этим интересовалась торжествующая Адриатическая республика, сознательно не домогавшаяся никаких крупных территорий по делу 1204 г.³

Своеобразной параллелью хрисовулу 1082 г. в пользу венецианцев является знаменитый Нимфейский договор 1261 г. в пользу генуэзцев.⁴

¹ „Последние Комнины“. Виз. Временник XXV (1928) стр. 7.

² Ср. описание событий в Константинополе в эти дни у Ф. И. Успенского (цит. соч., стр. 13—14), дающееся, главным образом, по латинскому писателю XII в. Вильгельму Тирскому.

³ Совокупность условий, в которых развивалась восточно-средиземноморская — она же и мировая для средневековья — торговля, представляла собой далеко не простую картину, и потому приходится признать чрезмерно кратким суждение, промелькнувшее в книге, — правда, посвященной не истории Византии, а истории сельджуков в Малой Азии: „Напуганная призраками Византии отказалась от непосредственной торговли с Востоком; восточные товары доставляли в Византию венецианцы“. (В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М. — Л.; 1941, стр. 116). Но тут же следует добавить, что названное исследование в высшей степени ценно для византинистов, получивших возможность уверенно опереться в вопросах смежной истории Малой Азии в XI—XIII вв. на этот новый труд известного турколога.

⁴ Этот трактат по византийской терминологии должен был бы также именоваться хрисовулом: „*presens privilegium de aurea bulla imperii nostri* (т. е. Михаила Палеолога) *munitum*“. Подлинник греческого диплома не сохранился; имеются только две латинские копии — пергаменная от 1267 г. и бумажная от 1285 г.,

Документ, заложивший основу могущества генуэзцев в Константинополе и на Черном море, не свалился на них неожиданно. Плод издавна лелеянных надежд, давнего острого соперничества и реальных попыток (договоры 1169 и 1192 гг.), он был осторожно и искусно подготовлен генуэзскими дипломатами и неизбежен для Византии.

Если генуэзцы и воспользовались раньше венецианцев возможностями, вытекавшими из успехов первых крестовых походов, если они крепко держали Тир, когда рядом, в Акре, не замедлили захватить их соперники, то все же выгоды, связанные с факториями на приморских концах сирийских торговых путей, не могли возместить выгод, получавшихся на перекрестке евразийских торговых магистралей, в Константинополе. Генуя не могла не поставить перед собой существеннейшей задачи — проникнуть в византийскую столицу на тех же условиях, что и венецианцы. Это означало — вытеснить венецианцев из Константинополя, так как лигурийская республика не желала делить своих прав с адриатической.

У генуэзцев было время взвесить и учесть все приемы искусной захватнической тактики венецианцев и обдумать план действий, следя за событиями на Востоке. Кампания по внедрению в Константинополь была проведена ими не менее мастерски, чем венецианский поход 1202—1204 гг.

Нагрянувшее в середине XIII в. монгольское нашествие смешало все политические отношения в Передней Азии; торговые пути, как малоазийские, так и сирийские, прервались, и торговля пошла по новым руслам, которые пролегли гораздо севернее. Тогда генуэзские купцы обратили взоры на крымские берега. Там рисовалась им огромная нажива: с широкого севера туда стекался хлеб и привозились меха; там была рыба и там продавались рабы; отсюда было удобно начинать странствия на восток и на юг за ценными товарами легкого веса: самоцветами и жемчугом, шелком и редкими зельями, и за всеми видами того, что в купеческой практике называлось „специями“ и представлено длиннейшими списками в торговом справочнике флорентийского купца, знатока левантйской торговли и товаров, Франческо Бальдуччи Пеголотти.¹ Совер-

а также латинский текст в генуэзских регистрах. Издания: 1) *Monumenta historiae patriae. Liber iurium*, I, 1345—50; 2) *Atti d. Società Ligure*, t. 28 (1898), p. 791—809; 3) F. Dölger, *Regesten 1204—1282*. München — Berlin, 1932, № 1890, pp. 36—38.

¹ Написанная ок. 1340 г. книга Пеголотти вышла недавно в хорошем критическом издании All. Evans'a: Fr. Bald, Pegolotti. *La pratica della mercatura* Cambridge, Mass. 1936. „Специи“, *spezierie*, нельзя переводить „пряности“, так как в число *spezierie* входят также, как мыло, сахар, рыбий клей, слоноvia кость, даже квасцы и хлопок. Все это — *spezierie grosse*; пряности же относятся к *spezierie minute* или *sottile*.

шенно ясно, что генуэзцы задумали обеспечить себе морской путь на северное черноморское побережье, т. е. захватить прочные позиции на проливах. За осуществление этой задачи принялись те, про кого Никифор Григора в XIV в. сказал: „Латинянам, особенно же генуэзцам, свойственно вкладывать свой труд более всего в торговую и морскую жизнь, ἐμπορικὰ τὰ πλεῖστα καὶ θαλαττίῳ βίῳ προσταλαίπωρεῖσθαι¹ и еще — „обогащение их происходило от торговли и морской жизни“, οἷς ἐξ ἐμπορίας καὶ ναυτικοῦ βίου τὸ πλουτεῖν περιῆν.² Настороженное выжидание, подходящего момента увенчалось успехом. Узурпировав никейский трон, Михаил Палеолог вооружался для похода на латинский Константинополь; ему нужен был флот на случай необходимости померяться силами с венецианцами; таким флотом на Средиземном море располагали генуэзцы. Союз напрашивался сам собой; он был заключен в Нимфее 13 марта и ратифицирован в Генуе 10 июня 1261 г. Несмотря на то, что Константинополь оказался в руках военачальника Михаила — Алексея Стратигопула, совершенно неожиданно, без осады и без морского боя (следовательно, без участия генуэзских кораблей), Нимфейский трактат не подвергся изменениям и позволил союзникам „нового Константина“ упиться торжеством над исконными противниками. Михаил предоставил генуэзцам тот самый „palatium latum et amplum ad formam castrī“,³ который до того принадлежал венецианцам. Под звуки труб и литавров, ликуя, что выиграли труднейшую игру, генуэзцы разнесли до основания венецианское гнездо и, по обычаю победителей, стправили на корабле камни от разрушенного здания на родину. Этот эпизод не стал, однако, финальным в борьбе между обеими республиками: вся дальнейшая деятельность генуэзцев в Константинополе проходила под знаком продолжающейся конкуренции и жестоких столкновений с непобежденными до конца венецианцами.

Нимфейский договор провозгласил вечный мир, (pax perpetua), между Византией и Генуей и войну (guerra) между Византией и Венецией. История показала, что условие это сохранило силу всего лишь до 1265 г., когда обеспокоенный усилением и дерзостью генуэзцев император уравновесил положение перемирием с венецианцами.⁴

¹ Nic. Greg. I. XIII, c. 12, ed. Bonn II, p. 683.

² Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn II, p. 845.

³ Ann. Jan. a. 1262, Mon. Germ. SS. XVIII.

⁴ Tafel und Thomas. Urkunden..., III, 66—89; Miklosich et Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, III. Wien, 1865, pp. 76—84; F. Dölger. op. cit., № 1934, 48—49.

Все же, условия договора в части обязательств Византии длились до конца ее политического существования, вернее — они превратились и неотъемлемую привилегию генуэзцев, оставаясь с первого до последнего дня их действия губительными для слабеющей империи. Генуэзские купцы получили право беспощадной торговли, *libertatem, franchiciam et immunitatem* от всякого рода взносов, *comergium, dascita* на море и на суше, в портах и на островах, при въезде и выезде, на постое и при переходах из области в область, с товарами или без товаров. Разрешались торговые станции генуэзцев: на западном берегу Малой Азии с передачей им в полное распоряжение Смирны; на македонских берегах с кварталами в Салонике; на островах Лесбосе, Хиосе, Крите, Эвбее; важнее же всего — в Константинополе. Генуэзцы решительно оградилась от вмешательства византийской власти в их дела; император мог привлекать их на службу, но обязывался не принимать ни одного из них в „вассалы“; все они были подсудны и ответственны только консулам и своему константинопольскому подеста.

Чрезвычайно серьезным и опасным для Константинополя и, обратно, выгоднейшим для генуэзцев было разрешение свободного вывоза из всей империи хлеба и иного продовольствия. Император отказался не только от хлебной монополии, но и от права единовременной принудительной скупки зерна и другой пищи в государственные склады в случаях голода в Константинополе.

Ввиду особого содержания отдельно сформулирована статья о Черном море, *Mare Majus*. Первые попытки „озвоения“ его берегов генуэзцами относятся еще ко второй половине XII в.,¹ но только теперь добились они, наряду с правами на беспощадное в нем плавание, запрета проходить в него всем прочим латинянам (т. е., главным образом, венецианцам), кроме дружественных императору пизанцев. Статья Нимфейского трактата о Черном море вполне развязала руки генуэзцам в осуществлении их плана направить сквозное движение товаров через Крым и создала фундамент всей системы генуэзских факторий в „Газарии“, а также важного опорного пункта в Тане.

Несмотря на то, что венецианцы весьма скоро после изгнания вновь появились на Босфоре, победу генуэзцев в области константинопольской транзитной торговли правильно считать полной. Византийцам это стало ясно с самого начала; поняли они и то, что сами способствовали созданию опасности в непосредственной от

¹ Договор между Византией и Генуей в 1169 г. (Miklosich et Müller. Acta, III, p. 35 и Atti d. Società Ligure 28 (1896—1898, p. 352—356).

себя близости. Уже наиболее сильный, ловкий и умный из Палеологов, Михаил, собственноручно скрепивший договор 1261 г., претерпевал оскорбления от самоуверенно-заносчивых купцов, каждый из которых был и торгашом, и воином, и смельчаком-мореходом. Они не остановились перед тем, чтобы сделать императора „предметом смеха и поношений“, как выразился Георгий Пахимер, передавая эпизод, относящийся, примерно, к 1275 г., с большим генуэзским кораблем, безвозбранно прорывавшимся через Босфор под носом самого василевса, на виду у всей столицы.¹ Хотя в гневе Михаил приказал ослепить пойманных виновных в неуважении к его особе, что было сделано на месте же подвернувшимися под руку гвоздями, он, тем не менее, „боялся“ этих „морских владык“ и „укаживал“ за ними — τοὺς θαλασσοκράτουντας ἐδεδίδει καὶ ἐδεράζευσεν, — соблюдая установленные условия до поры до времени“, τῷ χαρῶν προσήκοντα τοῖσιν.² Пахимер, подробно рассказывая о переговорах Михаила Палеолога с неизбежными в Константинополе итальянскими купцами, отчетливо выделяет генуэзцев, как наиболее многочисленных в городе. Кроме них ожидалось еще немало их соотечественников, готовившихся воспользоваться нимфейскими свободами, предоставленными исключительно им; по этой причине генуэзцы держались обособленно, враждебные всем, кто намеревался пристроиться к константинопольскому рынку и утвердиться на проливах. Император „не верил“ им; с самого начала поселения генуэзцев в столице зародилась глубокая обоюдная подозрительность между ними и византийцами.³

Однако не только избавиться от опасных соседей, но даже ограничить и отодвинуть их подальше было уже невозможно. Попытка выселить их из города в Гераклею на северном берегу Мраморного моря не принесла освобождения; вскоре, во время царствования еще первого Палеолога, генуэзцы получили разрешение „поставить кучкой немного простых жилищ“⁴ на участке по другую сторону (πέρην) Золотого Рога, вне города, на противоположном от него берегу, ниже возвышенности Галаты.⁵ Уже в восьмидесятых годах XIII в. торговая жизнь была ключом в генуэзской Пере, о чем свидетельствуют многочисленные регистры генуэзских нотариисов,

¹ Pachym. I. V, 30.

² Joh. Cant. I. IV c. 25, ed. Bonn., III, p. 185.

³ Pachym. I. II, c. 32.

⁴ Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn II, p. 841.

⁵ Pachym. II, 35. Сами генуэзцы называли свое поселение Пера, Рега, Реира, Реуга, а греческие источники употребляют название Галата, Галатᾶ (например И. Кантакузин) или τὸ Γαλατῶνικον φρούριον (например, Григора).

составлявших акты о торговых товариществах, о наймах кораблей, о купле и продаже домов, разных судов, товаров и людей и т. д.¹

В конце каждого документа, при указании места его составления, писалось: *actum in Peira ante Constantinopolim sub logia lanuensium*. Эту формулу интересно сопоставить с определением Перы у Григоры: *Τὸ τῶν Λατίνων ἀντιπέρας φρούριον*.² Сначала скромное и, казалось бы, предназначенное лишь для стоянки купцов и складов товаров поселение генуэзцев действительно стало „фрурием“ — крепостью. „По прошествии времени они незаметно поднялись до большой славы и силы — ἐπέτα ἔλαθον τοῦ χρόνου χωροῦντος ἐπὶ μέγα δόξης τε καὶ δυνάμεως ἀναβάντες...“³ и следствием этого было то, что, „хвастаясь и издеваясь изо дня в день над бессилием византийцев, они воздвигали здания и двухэтажные и трехэтажные; захватив еще большее место вверх по горе, они строят неприступные башни, господствующие над высотой, а вместе с этим и стены и длинные круговые ограды, заключающие широкое пространство, причем протягивают их вокруг одну за другой“.⁴ В этом свидетельстве отражено рождение той самой Галаты, которая так жестоко и непрерывно точила Византийское государство в XIV в. Родилась она фактически, конечно, раньше, но стала сильной и угрожающей своей военно-морской мощью именно с этого периода своего развития. Особенно ясно намерение генуэзцев в словах Иоанна Кантакузина, когда он вскрывает причину их стремления получить кусок территории выше основного укрепления на берегу — ὑπὲρ τὸ φρούριον. Это была круча, нависшая над их головой: ἀναντες γὰρ ὄν (τὸ χωρίον) καὶ οἶον ἐπικρεμάμενον σφισι κατὰ κεφαλῇς; такой господствующий над ними пункт мог принести им не малый вред, если бы им пришлось воевать с ромеями — οὐ μικρὰν παρεῖχε βλάβην, εἴποτε συμβαίη πρὸς πόλεμον Ῥωμαίοις καταστῆναι.⁵

Генуэзцы предусматривали возможность военных столкновений с византийцами тем более, что Константинополь лежал перед ними, как на ладони, отделенный лишь полосой воды Золотого Рога. Οἱ τὸ Γαλατάνυμον οἰκοῦντες φρούριον ἀστυγείτονες Γεννοῦνται с горечью называет их Григора.⁶

Обстановка была почти все время тревожная и неустойчивая.

¹ Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIII s. publiés par G. I. Bratianu. Bucarest 1927.

² Nic. Greg. I. XXIX c. 17, ed. Bonn III, p. 235.

³ Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn, p. 841.

⁴ Ibid., p. 842.

⁵ Joh. Cantl. IV c. 11, ed. Bonn III, p. 68—69.

⁶ Nic. Greg. I. XXV c. 17, ed. Bonn III, p. 41.

Эпоха Палеологов, дольше всей других династий занимавших византийский императорский трон, была полна внутренних потрясений; среди правителей значительны только две фигуры решительных и умных узурпаторов — Михаила VIII Палеолога и Иоанна Кантакузина. Если Андроник II и Мануил II привлекательны своей образованностью и культурным окружением, — хотя первый развалил византийский флот, а второму пришлось унижаться до сервизма в отношении турок, — то Иоанн V Палеолог, сидевший на троне около пятидесяти лет (1341—1391), представляет собой фигуру позорную и ничтожную. При этом почти нельзя назвать царствования или даже более или менее длительного периода, свободного от междоусобий, гражданской войны, открытой и скрытой борьбы за калиптру василевса, острой розни между членами императорской семьи, сталкивавших друг друга с престола, как это было неоднократно при Иоанне V.

Генуэзцы не оставались в стороне от византийских междоусобий; начиная с конфликта между дедом и внуком Андрониками, они вмешивались в эти расшатывавшие Византию события, и если их мало трогал спор исихастов, то их весьма интересовала ловля рыбы в мутной воде императорской распри. „Императоры враждовали друг с другом из-за власти; отсюда получалось, что дела ромейские были потрясены и пришли в тягостный беспорядок“; на фоне соперничества двух лагерей, руководясь только своими интересами, генуэзцы „тайком и хитря, подделывались то к одним, то к другим“, *λάθρα καὶ δολίως ὑπερχόμενοι νῦν μὲν τοῦσδε, νῦν δὲ τοῦσδε*.¹

Действуя таким образом, они „незаметно перевели на себя все возможности благосостояния византийцев и без малого весь доход, поступающий от моря“, *ἔλαθον... τὴν τῶν Βυζαντιῶν εὐπορίαν καὶ μικροῦ πᾶσαν τὴν ἐκ θαλάσσης πρόσοδον παρέλόμενοι*.²

В связи с этим местом в хронике Григоры приводится известное и важнейшее его сообщение о соотношении доходов беднеющих византийцев и богатеющих генуэзцев: „их ежегодный доход от пошлин обратился, примерно, в 200 тысяч, а у византийцев он с трудом едва доходил до 30 тысяч“, *τὴν μὲν ἐκείνων ἐκ τῶν φόρων ἐπέτειον γίνεσθαι πρόσοδον διακοσίων ἑγγιστα χιλιάδων, τὴν δὲ Βυζαντιῶν βία καὶ μόλις τριάκοντα*.³ Генуя действительно могла не жалеть средств на постройку триер и нефов и на их вооружение, чтобы крепко держать Перу, где ее купцы в несколько десятилетий достигли того,

¹ Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn, p. 841.

² Ibid.

³ Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn II, p. 842.

что их прибыль почти в семь раз превосходила прибыль государства, которое их приютило.

Внедрение генуэзцев в Константинополь было обдуманым, упорно и неумолимо проводимым предприятием. Их исключительная энергия, их огромные денежные средства были направлены на то, чтобы укрепить себя, а с другой стороны — ослабить Византию в самом ее центре. Выполнение этого плана не в малой степени содействовало, в конечном счете, гибели Палеологовской империи. Пера-Галата с ее обитателями, ничем не связанными с великим очагом византийской жизни и культуры, кроме только того, что они медленно, но верно губили его, была подобна неизлечимой язве на усталом, теряющем силы для борьбы, организме.

„Установку“ генуэзцев в отношении византийцев можно определить словами Иоанна Кантакузина: „задумали они не малое: они желали властвовать на море и не допускать византийцев плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им“, ἐνενόουν γάρ οὐδὲν μικρόν, ἀλλὰ θαλασσοκρατεῖν ἐβούλοντο, καὶ Ῥωμαίους ἀπείργειν πλεῖν ὡς σφισι προσηκούσης τῆς θαλάσσης.¹ Никифор Григора отмечает то же самое, говоря что у генуэзцев в головах засела одна мысль: „они бредили захватом гегемонии над всем морем“, θαλάσσης ἡγεμονίαν ὀνειροπόλησαν.² Этим словом „ὀνειροπολεῖν“ Григора подчеркнул несообразность притязаний алчных купцов, приписывая их мечту лишь „нелепому хвастовству генуэзского чванства“, ὁ τῆς Γεννουϊτικῆς ὀφρύος ἄτοπος ὄγκος.³

Однако вытеснение ромеев с моря продолжалось, тем более, что византийский флот, некогда сильный, пришел в упадок со временем Андроника II и более не возрождался.⁴

Методом генуэзцев в достижении их целей был захват, выразительно звучащий в термине ἐπιχείρησις, буквально — прибирание к рукам; их действия греки постоянно определяют глаголом ἀρπάζειν — хватать. Пристально следили зоркие хищники из Галаты за всем происходящим в Константинополе и учитывали каждый удобный случай: καὶρὸν εἶναι οἰθθέντες ἐπιτηδεύοντες αὐτοῖς πρὸς ἐπιχείρησιν.⁵

Вероломную политику генуэзцев прекрасно обрисовал несколькими словами один из умнейших наблюдателей событий трудного

¹ Joh. Cant. I. IV, c. 11, ed. Bonn III, p. 69.

² Nic. Greg. I. XXV, c. 17, ed. Bonn III, p. 41; cf. XVIII, 2, ed. Bonn II, p. 877. ἀλλ' ὀνειροπολεῖν ἐπ' αὐτῇ τῇ ὅλης θαλάσσης ἡγεμονίαν; ср. еще XXVIII, 29 ed., Bonn. III, p. 194: ὀνειροπολήσαντες γὰρ ἀπάσης θαλάσσης συλλήβδην ἡγεμονίαν.

³ Nic. Greg. I. XXVIII, c. 29, ed. Bonn, III, p. 194.

⁴ Cf. Cant., I. IV, c. 11, ed. Bonn III, pp. 69—70.

⁵ Ibid.

для Византии XIV в., Иоанн Кантакузин „Народ этот всегда был коварен и враждебен к ромеям и чрезвычайно склонен к ложным клятвам“, τοῦτο τὸ γένος αἰ μὲν ἐπίβουλον καὶ πολέμιον Ῥωμαίοις καὶ πρὸς ἐπιτορκίᾳς ἐτοιμότερον), в случае, если замечал возможность какого-либо захвата (ἂν συνωρῶν δυνατὴν τὴν ἐπιχειρήσιν τινος).¹

Генуэзцы делали все, чтобы обеспечить себе успех захватов и возможность не только не опасаться византийцев, но даже не считаться с ними. При их „хозяйственной предусмотрительности“, πρόνοια οἰκονομική, „при их хитроумных усилиях“, σεσοφισμένη σπουδή — все у них было организовано блестяще, λαμπρῶς; был у них и хлеб и оружие, и деньги, и морской флот“, византийцы же, поглощенные борьбой между императорами (Иоанном V и Иоанном Кантакузином) и волновавшими их соборами и церковными диспутами, не запасли ни достаточного количества оружия, ни денег, не говоря уже о кораблях. С горечью пишет Григора, что его соотечественники не желали понять, что снаряжаться надо не тогда, когда опасность уже перед глазами, а задолго до этого; суровый приговор слышится в словах историка о том, что жизнь византийцев была полна одними рассуждениями и они „казались добровольно оглохшими“, ἐδελωκωρεῖν ἐδόχουν Βυζάντιοι.² Внешне Константинополь жил бьющей ключом жизнью; принимались и чествовались послы, развешивались сложные и нарядные церемонии во дворцах и церквях, блистала умственная и художественная культура; но поток товаров и денег уже не проходил через столичные рынки, свернув на Галату; в торговле воцарилась итальянская монета, население города чаще голодало, чем было сыто, зловещая язва — итальянское гнездо в Пере — разьедала изнутри расплзающееся хозяйство. Сохранялась по стойкой традиции лишь пышность на деле сильно оскудевшего двора, и оправдывалась народная греческая пословица: ὁ κόσμος ἐποντίζεται καὶ ἡ ἐμὴ γυνὴ ἐστολίζεται — „мир погибал, а жена моя украшалась“.³

На другом берегу все было наоборот: в противоположность беспечности и неподготовленности византийцев — у генуэзцев „город казался великолепной военной мастерской (πολέμου φάναϊ λαμπρὸν ἐργαστήριον ἢ τοῦτων ἐδοκεῖ πόλις“).⁴

После того как при Андронике II, пользуясь его слабостью и преступным небрежением к византийскому флоту, генуэзцы

¹ Joh. Cant. I. IV, c. 11, ed. Bonn, III, p. 68.

² Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn, II p. 843—844.

³ K. Krumbacher. Geschichte d. byz. Literatur. München, 1897, S. 425.

⁴ Nic. Greg. I. XVII, c. 2, ed. Bonn, II, p. 851. Примечательно, что Григора называет поселение генуэзцев городом.

расширили и укрепили свою территорию в Галате; после того как они помогали Андронику младшему отнять престол у деда и исподволь продолжали усиливать свои позиции при этом, сравнительно недолго царствовавшем, императоре, — они окончательно проявили себя в период злосчастного правления Иоанна V Палеолога. Все византийские летописи неоднократно и в самых разнообразных выражениях отмечают высокомерный тон генуэзцев, их чванливость и коварство, самомнение и презрительное, доходящее иногда до наглого издевательства, обхождение с константинопольцами. Им, изначальным хозяевам босфорских берегов и великого города, они позволяли себе приказывать (ἐπέταττον) „властно и дерзко, преисполнившись бесстыдства“, ἡγεμονικῶς καὶ πολλῇ τῇ θράσει ρέοντες¹). На требование императора покинуть захваченную и уже обведенную ими стеной территорию вокруг Перы они, по словам самого, не умевшего совладать с ними, Кантакузина „и ухом не повели“, οὐδ' ἄκροισ κατὰδέχοντο ὥσιν²). Подобное поведение было результатом явного превосходства генуэзцев над изнурившими себя междоусобицами византийцами, которым они „сделали море недоступным для плавания“, τὴν θάλασσαν ἄπλωτον ἐποίησαν Ῥωμαίοις³; император же „бедный триэрами“, τριηρέων ἄπορος, оказывался перед ними с пустыми руками и лишь частично наносил урон пришлецам-захватчикам, обстреливая галатский берег из камнеметательных машин, установленных над Золотым Рогом. Из множества характеристик, эпитетов, мимоходом брошенных отзывов у разных византийских писателей создается мрачная картина подлинного разгула генуэзских купцов, присосавшихся к Константинополю и вгонявших дела империи в стесненное положение: πρὸς τὸσαύτην τὰ Ῥωμαίων συνήλασαν στενοχωρίαν πράγματα⁴. Нет пределов понятному злорадству Григоры, когда он сообщает, что генуэзцы, при всей своей надменности, попали под власть Висконти (осенью 1353 г.) и Милан урезал их владения в Италии: стремившиеся к господству „над морями сверху, от Танаиса и Мэотиды вплоть до Кадикса и Геркулесовых столбов, оказались вытесненными из пределов собственной родины“. Хотя Григора и торжествует по поводу этой неудачи (на самом деле, лишь политического хода) генуэзцев и с насмешкой уподобляет их „верблюду, который хотел иметь рога, а потерял уши“, как говорится в пословице, однако сам тут же очерчивает громадные пространные, действительно охваченные генуэзской торговой гегемо-

¹ Nic. Greg. I. XVIII, c. 2, ed. Bonn II, p. 877.

² Joh. Cant. I. IV, c. 11, ed. Bonn III, p. 73.

³ Ibid.

⁴ Nic. Greg. I. XXI, c. 6, ed. Bonn II, p. 1031.

нией в средневековой южной Европе: „от Танаиса и Мэотиды до Гадейры (Кадикс) и Геркулесовых столбов“.¹

Ненависть генуэзцев жила в сердцах не только людей образованных и разбиравшихся в политике, какими были Никифор Григора, и, конечно, Иоанн Кантакузин; она кипела и в константинопольских низах, так как генуэзских купцов, богачей и угнетателей, не терпело все население Константинополя, готовое из ненависти к латинянам подняться на них походом (ἐχθρὴ τῶν Λατίνων προθύμως ἀπάντων συστρατευομένων).²

Действительно, по призыву императрицы Ирины (Кантакузин был вне Константинополя) поднялись плотники, сапожники и шорники, кузнецы и медники, даже горшечники и землекопы; многие из них сели за весла. Народ остро ощущал результаты растущей силы генуэзцев из Галаты; когда последние желали чего-либо добиться от византийцев, они применяли крайнюю меру: будучи хозяевами моря (ὅτι θαλασσοκρατήσαντες), они пресекали путь всем грузовым судам, которые везли зерно в столицу, как с фракийских берегов из Мраморного моря, так и с северного Причерноморья. В городе появлялся страх голода, потому что сразу же наступала „скудость в хлебе и другом необходимом продовольствии (ἐντεῦθεν πᾶνιν ἐγγενέσθαι τῇ πόλει σίτου καὶ τῶν ἄλλως ἔχοντον ἐπιτηδείων“.³

Но далеко не все вступившие в качестве гребцов на византийские триэры „были привычны к морю и веслам: от большинства скорее отдавало либо рубкой леса, либо лопатой — μηδὲ γὰρ εἶναι πάντας ἐν συνηθείᾳ θαλάττης καὶ κώπης, ἀλλ’ ἀπόζοντας τοὺς πλείους δεινροτομίας τε καὶ σκαπάνης.“⁴

Приведенная характеристика экипажей византийских кораблей свидетельствует о том, что византийцы уже не могли меряться морским искусством с генуэзцами; в былые времена среди них всегда было много талантливых флотоводцев; но к середине XIV в., когда генуэзцы не знали соперников на море, у византийцев случались и недостаточно искусные навархи, которых без труда одурачивали опытные генуэзские мореходы. Так было в позорном для Византии сражении с генуэзцами в 1348 г., когда неумелые гребцы и необученные воины, поняв, что их незадачливый начальник погубил флот, в беспорядке — οὐδενὶ κόσμῳ, побросались в воду и погибли.⁵ Неправильная расстановка кораблей и последовавшее

¹ Nic. Greg. I. XXVIII, c. 29, ed. Bonn III, p. 194.

² Joh. Cant. I. IV, c. 11, ed. Bonn III, p. 75.

³ Nic. Greg. I. XVII, c. 2, ed. Bonn, pp. 848—850.

⁴ Ibid., c. 5, ed. Bonn, p. 858.

⁵ Ibid., c. 6, ed. Bonn, pp. 861—862.

за тем общее смятение было до того неожиданным даже для презиравших греческих моряков генуэзцев, что генуэзский адмирал предположил „притворство и лицедейство“, *ὑπόκρισιν καὶ δραματούργια* со стороны византийцев; он двинулся с осторожностью к византийским кораблям и, найдя их пустыми, приказал связать их и потащил в латинский порт. Это зрелище вызвало панику в Константинополе: жители „теснясь и толкая друг друга, бежали (с берега) в город, сшибали и топтали один другого, а враги их стояли неподвижно и смотрели, страшно изумленные невероятностью такого зрелища“.¹ Бессилие византийцев было явным, тем более перед таким врагом, которого Петрарка в итоге своих наблюдений над международной жизнью называл *aspergima atque invictissima gens*; победы генуэзцев над любым противником — главнейшими же были ослабленные византийцы и весьма опасные венецианцы — стали привычным явлением: „*vobis vincere jam in consuetudinem versum est, quotque per orbem terrarum bella lanuensium, totidem victoriae numerantur*“.²

Такова отраженная главным образом современными событиями и действующим лицам византийскими источниками картина борьбы внутри Константинополя между греками и латинянами, между константинопольцами и генуэзцами. Соотношение сил было неравное не в пользу Византии. На фоне общего развития европейского производства и возросшего (с XIII в.) международного обмена при выдающейся роли Италии — страны передовой и в экономике и в культуре, — напор итальянских купцов, сначала венецианцев, затем генуэзцев, рвавшихся к мировому рынку, на перекресток мировых торговых путей, был необычайно интенсивен. XIV в., — век господства генуэзцев в Константинополе, — был временем их торжества над Византией и тем периодом, в который иноземные купцы наиболее эффективно играли роль в драме, закончившейся падением империи. Генуэзцам противостояла слабеющая в целом византийская экономика, которую они с дерзкой энергией захватили в свои руки; богатая централизованная империя прошлого переродилась в своеобразное государство феодального типа, уже не умевшее прочно наладить торговлю того размаха, который соответствовал бы возможностям Константинополя. Эти возможности реализовали и использовали только итальянские купцы; генуэзцы сделали это в лоне еще живого государственного организма

¹ Nic. Greg. I. XVII, c. 6, ed. Bonn, pp. 861—862.

² Fr. Petrarca. *Epistolae de reb. familiaribus*, ed. J. Fracassetti, t. II, (1862); I. XI, ep. VIII, p. 128; I. XIV, ep. V, p. 294.

в течение последнего периода его существования, в обстановке труднейшей и трагической борьбы, как внешней, так и внутренней, в которой иссякали силы византийцев и в результате которой хладнокровно богатели их враги.

Однако и их успехи не оставались не помраченными. Венецианцы не мирились с фактом явного преимущества генуэзцев на Босфоре, а следовательно, и на Черном море. Главнейшая выгода твердой позиции в Константинополе состояла в обладании морскими путями и станциями на Черном море. Вокруг вопроса о плавании в *Mare majus* не прекращалось самое оживленное соперничество между обеими торговыми республиками; оно не раз переходило в ожесточенную борьбу и разражалось кровавыми конфликтами.

С Венецией Генуя не совладала, как с Византией, и „сорвалась“ на победоносно начатой, но печально для нее окончившейся Кьоджской войне 1376—1381 гг. Туринский мир явился для нее рубежом полновластного благополучия на Леванте. Тем не менее силою своей энергии, изворотливости, смелости и хитроумия генуэзцы, несмотря на укреплявшееся и ненавистное им соседство венецианцев, держались в Константинополе, как известно, до рокового 1453 г., а на Крымских берегах — до 1475 г.

Со второй половины XIV в. наступило то невыносимое положение, в которое поставили, наконец, Византию турки. Ладившие с ними тогда, когда это вызывалось внутренней ситуацией в Константинополе и было для них удобно, генуэзцы начинали чувствовать стеснение своих торговых интересов вместе с неумолимым сжатием турецкого кольца вокруг византийской столицы. Это тяжелое для нее время, а именно, вторая половина XIV в., отражено в сохранившихся известных нам источниках неизмеримо скуднее, чем первая половина столетия, обставленная, можно сказать, роскошно в освещении драгоценного материала громадных хроник Пахимера, Григоры и Кантакузина. Конец XIV в. и не имел подобных монументальных летописей; он выясняется лишь неполно по немногим изданным источникам, главным образом эпистолярного характера. Среди них в высшей степени интересны письма Димитрия Кидона, ученого друга, с одной стороны, ушедшего в монастырь Иоанна Кантакузина, с другой — воцаряющегося Мануила Палеолога.¹ По его письмам жизнь в Константинополе становилась ужасной: „Все в невероятном беспорядке, и трудно

¹ *Demetrius Cydones. Correspondance.* Gius. Cammelli, ed. Paris., 1930. Cf. *Byzantion*, XVI, fasc. I (Boston, 1944) статья P. Charanis. *The strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks.*

найти на свете подобие того хаоса, который царит в столице. Варвары захватили все, что находится вне города и они — причина всех его страданий“ (из письма 1391 г.). После упоминания о генуэзцах, в связи с их вмешательством в политику Иоанна V, которого они, за передачу венецианцам острова Тенедоса (у входа в Дарданеллы), свергли в пользу его сына Андроника IV (1376 г.), Кидон больше не говорит о них; они начинают отходить в тень. В городе носятся мысли „о рабстве“, как о лучшем исходе через подчинение туркам; гибель, в глазах Кидона, идет даже не отсюда: „Продолжает свирепствовать старое зло, которое причинило общее разорение. Я разумею раздоры между императорами из-за призрака власти. Ради этого они вынуждены служить варвару; это единственный путь, дающий возможность дышать. Всякий понимает, что кому из двоих варвар окажет поддержку, тот и возобладает. Поэтому императоры по необходимости превращаются в его рабов на глазах у всех граждан и живут соответственно его требованиям... Константинополь, лишенный своего гарнизона, лежит обнаженный, как добыча для того, кто пожелает ее схватить. И внутри города граждане — и не только рядовые, но и слышущие за самых влиятельных в императорском дворце — восстают, ссорятся друг с другом и дерутся за высшие должности. Каждый стремится пожрать все сам, и если это ему не удастся, он грозит переходом к врагу и нападением на свою страну и друзей. Разыгрывается трагедия, большая, чем была когда-либо рассказана Гомером и всеми другими поэтами“.

Это письмо Дмитрия Кидона, написанное в самом конце XIV в., характерно отражает верно почувствованное состояние византийской столицы. Роль генуэзцев к этому времени уже сократилась, но в течение всего XIV в. они играли ее с азартом на пользу себе, в смысле своего обогащения, и на гибель Византии, в смысле ее катастрофического экономического упадка. Генуэзская Галата, столь враждебно-активная для византийцев в наиболее трудную и, тем не менее, блестящую по живой культуре пору существования их государства, внесла не малую долю в совокупность тех причин, вследствие которых подсекались силы Константинопольской, „городской“ империи накануне ее последних лет.
